

«На память о себе они оставили лишь школу да грушевый сад...» (История «Борсуковой школы» села Чернышевка)

Инна Владимировна Пчела,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры исторического образования Уссурийского филиала Дальневосточного федерального университета, Уссурийск.

E-mail: pchelka70@mail.ru

Статья о трагедии приморской деревни периода коллективизации, в условиях которой создавалась «школа нового типа». Автор описывает историю открытия и повседневные проблемы «Борсуковой школы» с. Чернышевка в середине 1930-х гг.

Ключевые слова: коллективизация, советская школа, единая трудовая школа.

“In memory of themselves they left only the school and a pear orchard...”

(the history of “Borsukovaya school” of the settlement Chernyshevka).

Inna Pchela, Cand. Sc. (Pedagogy), Associate professor of the History Education Department, Ussuriysk branch of the Far Eastern Federal University, Ussuriysk.

The article narrates about the tragedy of a settlement in the Primorsky region in the period of collectivization which formed a “new kind of school”. The author describes the history of opening and everyday problems of “Borsukovaya school” of the settlement Chernyshevka in the mid-1930s.

Key words: collectivization, the Soviet school, the unified labor school.

Самое раннее упоминание о школе в селе Чернышевка относится к 1909 г., когда учитель, присланный от Епархиального училища, в «наёмном доме», предоставляемым сельским обществом, провёл свой первый урок [10]. За годы работы одноклассной церковно-приходской школы её заведующий — законоучитель о. А. Болсуновский — и учитель А.М. Дзюба достигли больших успехов в обучении и воспитании ребят-шек [11]. Однако отсутствие собственного здания препятствовало дальнейшему расширению школьного дела в селе.

В годы революции и гражданской войны 1917—1922 гг. церковно-приходская школа свою деятельность прекратила, вместо неё открыло двери светское учебное заведение 1-й ступени, которое по-прежнему размещалось в «наёмном доме». В 1924 г. собрание граждан после долгих споров приняло решение использовать пустующее здание — квартиру приходского священника. Началась история т.н. «школы в поповском доме» или «маленькой школы» с. Чернышевка [9].

На протяжении 1920-х гг. ощущался острый недостаток помещений: количество детей постоянно увеличивалось (с 80 до 120 чел.), поэтому двух классных комнат «поповского дома» для размещения учащихся в две смены не хватало. Несмотря на неоднократные попытки местных органов и жителей села добиться от районного и краевого руководства выделения средств на строительство школьного здания, вопрос так и оставался неразрешённым.

В 1930-е гг. советская власть стала уделять больше внимания образованию и воспитанию подрастающего поколения. Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 июля 1930 г. в СССР вводилось (с 1 сентября 1930 г.) обязательное обучение детей 8—10-летнего возраста в объёме не менее 4-годичного курса. С началом 1930/1931 учеб. года в Приморье развернулась активная деятельность, которая должна была способствовать получению начального образования всеми детьми. Реорганизация Чернышевской школы совпала с назначением на должность заведующей энергичной и деятельной Александры Капитоновны Ясневой. Ей и её преемникам на этом посту — И.И. Щербине (1932/1933 учеб. год), М. Лесовой (1933/1934 учеб. год) и О.Ф. Кобзевой (1934/1935 учеб. год) [7, с. 36—37] — удалось успешно решить весь комплекс поставленных перед новой школой задач в сложных условиях коллективизации, «великого перелома».

Сохранившиеся документы Государственного архива Приморского края позволяют детально описать учебно-воспитательный процесс и повседневные трудности учителей и учащихся в те тяжёлые времена. 29 декабря 1930 г., принимая школу, размещённую в бывшем «поповском доме», Александра Капитоновна оставила детальное описание её материально-хозяйственной части: «...находится в собственном здании и состоит из двух классных комнат и квартиры заведующего. Из школьных построек во дворе имеется сарай и уборная. Само здание школы, в которой приходится проводить занятия, в настоящий момент требует капитального ремонта в классе, то есть перестилки пола в классе № 2 и в квартире заведующего, ремонта раздевальной комнаты, также чёрного и чистого пола в кухне, поднятия капитальной стены между кухней и классом, перекладки печи голландки и духовки. Необходима смена сгнивших перекладин пола и подвален. Побелка за прошедший год производилась 2 раза. Школьный инвентарь также требует должного ремонта. Школьная мебель — парты, столы, доска — также нуждаются в ремонте, особенно парты, которых при школе имеется налицо 24. Парты требуют ремонта, т.к. разваливаются и до того исчёрканы, что на них с трудом можно писать. В школе нет наглядных пособий, кроме 2-х или 3-х карт «Европейской части России», глобуса и трёх счёт. Острая нужда чувствуется также в учебниках, поскольку учебными пособиями школа на очередной учебный год не снабжалась. В старших группах имеется достаточное

количество старых учебников, но все они разнокалиберные; новых учебников хватало только на двоих один. В младших группах достаточное количество имеется только «первинок», остальных учебников — по 1 книге на двух учеников. Нужды в дровах школа не имела. Топливом снабжались от сельсовета без перебоя, но дрова подвозятся населением по мере надобности. Всего за три квартала 1930/1931 учеб. года на хозяйственные расходы по школе отделом народного образования было выслано 295 рублей, которые расходовались исключительно на содержание школьного персонала, на освещение и другие мелкие расходы» [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 1—1 об.].

Учебный процесс был организован следующим образом: его начало регулярно откладывалось то до середины сентября, то до 1 октября (по причине затянувшегося ремонта), а заканчивался он в конце июня. Согласно документам, школу регулярно посещали от 122 (в 1931 г.) до 155 (в 1935 г.) детей. Учеников 8—12-летнего возраста набиралось 5 групп, поэтому школа работала в две смены: в первую проходили занятия в трёх старших группах (слитно III, IV и I), во вторую — двух младших (I и II) [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 5].

Для характеристики воспитательной работы Чернышевской школы следует учитывать происходившие в стране в целом и в селе в частности социально-политические процессы. Главным фактором было расслоение деревни в период коллективизации, из-за которого каждый школьный отчёт начинался со статистической справки о социальном положении учащихся. Например, отмечалось: «Всех учащихся 126 человек: колхозников — 17, батраков — 4, бедняков — 26, середняков — 65, кулаков — 3, служащих — 9, тех. персонала — 2» («Отчёт школы за 1930/1931 учеб. год») [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 5 об.]. В ведомостях напротив имени каждого ученика значится его социальное положение. Это позволяет установить фамилии тех, кто носил клеймо «кулак» или «зажиточный» (среди них дети семьи Борсук, Кулик, Пивень, Дубина, Пиляй, Пинчук и др.) [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 38 об. — 41]. Таким образом, педагогический коллектив обязывался строго учитывать классовую линию комплектования школы, а при планировании основных направлений учебно-воспитательной работы — акцентировать внимание на мероприятиях атеистического, интернационального и политического характера.

В 1931—1933 гг. на Дальнем Востоке, как и в целом по всей стране, началось форсированное наступление на «единоличное» крестьянство. Перед органами советской власти стояла задача ликвидировать в каждой деревне кулачество как класс. В с. Чернышевка приступили к «укреплению» колхоза «Победа». Членами сельского совета был составлен список «кулаков», у которых произвели опись хозяйства и учёт имущества. В список попали не только «эксплуататоры», но и люди в целом лояльные советской власти — труженики-середняки, главы многодетных се-

мей, добившиеся материального достатка многолетним упорным трудом и разумным ведением хозяйства. Среди них Исидор Семёнович Пиляй, Нил Карпович Коваленко, Афанасий Евграфович Борсук и др. Нередко вина состояла лишь в том, что их хата была крыта оцинкованным железом, а не соломой как у соседей, да было по 10—12 детей, с малых лет помогавших родителям. Справедливость этих слов подтверждает доклад уполномоченного райотделом ОГПУ т. Вакудина, в котором имеются описания таких «кулацких хозяйств». Обратимся к одному из них: до 1917 г. Н.К. Коваленко имел «...посева 6 га, 1 дом, 1 амбар, 1 сарай, 2 лошади, 1 корова, пасека 60 — до 70 ульев, на которых применял наёмный труд, на пасеке работали во время катки мёда около месяца по 2—4 человека в день. Имел батрака китайца (сторожа). Подёнщики отработывали за деньги, хлеб и мануфактуру» [ГАПК. Ф. 955. Оп. 1. Д. 1. Л. 105]. Пристальное внимание уполномоченных было приковано и к зятю Нила Карповича — Афанасию Евграфовичу Борсуку.

По столыпинской программе переселения прибыл на Дальний Восток А.Е. Борсук и поселился в деревне Новотроицк Чернышевской волости. Кроме сельского хозяйства, он занялся обжигом кирпича, за которым в годы интенсивного освоения земель заанучинской окраины к нему съезжались все окрестные жители. В 1918 г. Афанасий Евграфович, накопив средства, начал торговое дело (открыл первую лавку) на паях с тестем Н.К. Коваленко.

В апреле 1922 г. сельский сход учёл, что тов. А.Е. Борсук «купил у нашего единообщинника Мирона Вялкова его труд и постройку, а также имеет мелкую лавочку торговую, что является для крестьян нужным...», и постановил: «понять его желание быть со всеми наравне, принять А.Е. Борсука в среду своего общества и наравне с нами пользоваться угодьями за плату в общество на два года в виде канцелярских принадлежностей» [ГАПК. Ф. 955. Оп. 1. Д. 1. Л. 36]. Летом того же года Афанасий Евграфович с женой Елизаветой и шестью детьми (Наташа, Павел, Александр, Дмитрий, Анатолий и Нина; позже родятся ещё двое — Тамара и Коля) переехал в Чернышевку. Из Новотроицка они перевезли свой дом, в одной половине которого поселились сами, а в другой открыли торговую лавку. На новом месте дела пошли успешно. В магазин крестьяне сдавали излишки своего хозяйства: зерно, лён, технические культуры, — а на вырученные деньги покупали товары. «Принимал Борсук мёд, воск и дары леса, — вспоминала К.Е. Волошина, — накопит продуктов, а потом отвозит всё в город. Имел он три коня и три телеги, два раза в месяц сам хозяин, его сыновья Павел или Александр, их работник нагружали телеги и ехали в город, где сдавали всё в магазины, а на вырученные деньги покупали товар» [1]. Эти воспоминания дополняет В.Г. Севоракша: «Он торговал хомутами, продуктами, солью, тканями, кашемировыми платками, пряниками и конфетами. По заказу односельчан мог привезти любой товар из

Владивостока или Никольск-Уссурийска» [4]. К концу 1920-х гг., если верить словам уполномоченных райотдела ОГПУ (1933 г.), торговое дело А.Е. Борсука «вышло из пределов села Чернышевка. Он закупал товар вагонами и забрасывал в Ивановский район и даже Яковлевский и Черниговский, ездил по ярмаркам по всему Приморью, имел крупные десятки тысяч оборота» [ГАПК. Ф. 955. Оп. 1. Д. 1. Л. 105]. Однако богатство не сильно сказывалось на характере ни самого Афанасия Евграфовича, ни его домочадцев. По воспоминаниям соседей, «были они людьми хорошими, простыми в общении, добрыми. Хорошо воспитывали своих детей. С младшими детьми мы в детстве играли по-соседски...» [3].

19 января 1933 г. сельский совет утвердил «списки кулаков» и обратился в райисполком с просьбой о выселении этих чуждых элементов и агитаторов вместе с семьями из Чернышевки. По директиве Далькрайкома «кулаки» из Владивостокского округа отправлялись на лесозаготовки и золотые прииски в Николаевском-на-Амуре округе [12, с. 341]. Согласно ст. 65 А. и Б. Конституции РСФСР, такие семьи (в т.ч. их члены, находившиеся на иждивении) лишались избирательного права и выселялись «за пределы» села.

В один из вечеров 1933 г. приехали оперуполномоченные из Анучино и арестовали А.Е. Борсука; его жена, по рассказам соседей, «распродав всё имущество, забрала малолетних детей и уехала к старшей дочери во Владивосток. Вскоре она заболела тифом и умерла, оставив на руках повзрослевших Наташи и Павла семерых малолетних детей. Через год вернулся хозяин, забрал детей и уехал в Сибирь, но здоровье его было надорвано на Зейских приисках. Средств к существованию не было, он вскоре затосковал и умер... всю жизнь мы вспоминаем о них с добром. Они, вероятно, тоже с грустью вспоминали о Чернышевке. Раза два приезжал в деревню младший из сыновей Борсука, ходил в свой старый дом, стоял на месте бывшей усадьбы, смотрел на старый грушевый сад... да, на память о них остались лишь сад, да ещё школа...» [3].

Чернышевский сельский совет, выполняя распоряжение Совнаркома от 1930 г., согласно которому изъятые усадьбы и дома передавались в ведение органов Наркомпроса, распорядился имуществом «кулаков». К примеру, дом и хозяйственные постройки (сарай и амбары) семьи Пиляй отдали колхозу «Победа». «Пиляевские фермы» были хорошо оборудованы для содержания овец, имели глубокий колодец, в них была колхозная овчарня. Долго-долго «пиляевские фермы» служили колхозу, а дом Пиляй под высокой цинковой крышей перевезли в Телянзу и там переоборудовали под школу. Очень долго это здание будет служить «по образовательному делу», пока не построили в Телянзе новую школу [8, с. 3].

Дом семьи Борсук передали в распоряжение Чернышевской школы. Большое здание 1918 г. постройки требовало ремонта и нуждалось в переоборудовании. Работы начались в конце зимы — ранней весной 1933 г. и потребовали значительных расходов, непосильных для сельского обще-

ства. Школьный совет направил смету в сумме 4050 руб. в районный исполком с просьбой об отпуске 2 тыс. руб. на ремонт, без чего учёба в школах № 1, 2 в 1933 г. была бы сорвана [ГАПК. Ф. 197. Оп. 13. Д. 1. Л. 25]. Часть денег из фонда самообложения выделил сельский совет. Ремонт производили силами педагогического коллектива и колхозников. Таким образом, в Чернышевке появились две школы: дети с левого берега р. Телянзы стали ходить в «поповскую», а с правого — в «Борсукову».

Попытаемся восстановить облик «Борсуковой школы» по фрагментам воспоминаний старожилов села и фотографиям. Итак, большое деревянное здание, выстроенное из отборного кедра, располагалось на перекрёстке двух улиц Партизанской и Первомайской. Дом имел два входа. Первый (с ул. Первомайской) позволял по высокому крыльцу подняться и пройти в две просторные комнаты, ранее приспособленные под торговую лавку. Их переоборудовали под классы, разместив школьные парты, учительские столы и доску.

Второй вход с противоположной стороны (со двора) позволял пройти в небольшой коридорчик, из которого можно было попасть в две комнаты: маленькую «детскую» (направо) и большую (налево). Их отдали под учительские квартиры. Огромные окна выходили на улицу (Партизанскую) и великолепный сад, в котором весной цвели груши и яблони. Лучи солнца легко проникали в дом и в сочетании с белёными стенами создавали ощущение большого светлого пространства. Здание отапливалось тремя печами, но они не согревали холодными зимними вечерами, поскольку деревянные неокрашенные доски пола, прикрывавшие земляное подполье, имели большие щели, из которых сильно дуло. В книге бывшего ученика «Борсуковой школы» А.П. Дубины «Рассказы авиатора» есть такие строки: «Когда я учился в 6 классе деревенской школы, то решил помочь нашей учительнице географии пилить дрова. Не то чтобы там я был юным гайдаровцем, а просто я тогда любил географию и историю. Она сумела заинтересовать нас, деревенских ребяташек, своими предметами. К тому же жила в доме по соседству.. Дом этот когда-то, в период нэпа, был наполовину лавкой предпринимателя Борсукова, а второй половиной — апартаментами хозяина, включавшими несколько комнат и кухню. Так вот, в одной из этих комнат и жила моя учительница. Одна из комнат была маленькой по площади, вероятно детская, и её никто из учителей не занимал. Моя учительница предложила мне распиливать двухметровые чурки осины, ясеня и клёна не на трескучем морозе, а в этой комнате, что я и делал» [6, с. 46]. Небольшой сарай возле школы приспособили для хранения дров и инструментов. Сторож Зиновий Петрушинец — седой дедушка в огромных валенках, которые не снимал ни летом, ни зимой, — за жалованье в 60 руб. и специальный костюм ведал школой и наблюдал за её огородом [ГАПК. Ф. 197. Оп. 13. Д. 1. Л. 24].

Главной сложностью 1933/1934 учеб. года будет организация учебно-воспитательного процесса начальной школы на базе двух зданий: «пововского» и «Борсуковского». Судя по отчётам, педагогический коллектив в целом работал без конфликтов и срывов, выполняя поставленные партией и правительством задачи. На всем протяжении 1930-х гг. преподавали преимущественно женщины. Местных среди них не было, педагоги направлялись от районо и подсаелялись в семьи колхозников. В разные годы здесь учили М.И. Городилова, Е.И. Иванова, И. Правдивец, Бензик, Корема, Щербань и др. У них были среднее педагогическое образование и стаж работы в разных школах Приморья от 5 до 20 лет. Все прошли заочные курсы ИПКП, что позволяло надеяться на успех в борьбе за всеобщую грамотность. Судя по отчётам, успеваемость в школе была довольно высокой. Так, за первое полугодие 1933/1934 учеб. года она составила 91,04% (в I группе — 95%; II — 77,21%; III — 96,42%; IV — 25,74%) [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 24—24 об.]. Ученики переводились в следующий класс по результатам обучения. Исключение составляли «отстающие», с которыми проводили дополнительные занятия. Заведующие отмечали, что учителя применяли целый комплекс различных методов: целых слов, наглядно-иллюстративный, тематический и др. [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 5 об.].

Обращает на себя внимание факт, что обучение велось на русском языке, несмотря на то, что в «Ведомости» (1932 г.) с поимённым списком 214 детей в возрасте 5—14 лет, только двое отмечены как русские, все остальные в графе «народность» значатся как «украинцы»; в графе «на каком языке говорит ребёнок в семье» стоит пометка «русский». Старожилы упоминали, что «в семьях дети между собой и с родителями говорили и на русском, и на украинском языке, но в школе общение на уроках и на переменах, и с педагогами, и между собой велось только на русском языке. Никаких сложностей и трудностей при этом никогда не возникало» [2].

Особенность учебно-воспитательного процесса заключалась в его организации на принципах детского самоуправления: ученики работали в культурно-бытовой, учётно-производственной, санитарной и хозяйственной бригадах. В каждой выбирали бригадира (работой последних руководил староста). В течение года проводились общие собрания и собрания по группам, на которых бригады отчитывались по проделанной работе и намечали планы на будущее. Поощрялось соревнование и ударничество.

Осуществляя курс на всеобщее начальное образование, педагоги включились в работу по Всеобучу, для чего провели учёт всех неграмотных и малограмотных односельчан, создали Комиссию по всеобучу и кустовой штаб по ликбезу, наладили снабжение нуждающихся детей одеждой и обувью и возглавили «Поход за грамотой» взрослого населения села. Прежде всего развернули борьбу с пропусками уроков и «отсе-

вом». Кроме «особого контроля» и бесед с родителями, прибегали к радикальным мерам: «обязали родителей (через сельский совет) посылать детей в школу, уклоняющихся привлекли к ответственности и штрафам» [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 19]. Учителя признавали, что такие меры «крайне не педагогичны и не желательны, но в короткий срок удалось привлечь в школу 30 детей; не охваченными осталось только 6 детей школьного возраста» [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 8 об.]. В 1932 г. для удержания в школе малообеспеченных учеников, не имеющих тёплой обуви и одежды, чтобы ходить в школу, создали фонд материальной помощи. Он состоял из ассигнований государственного и местного бюджета, денежных и натуральных поступлений от общественных организаций, предприятий и колхозов. Расходовались средства фонда на снабжение детей обувью, одеждой и мануфактурой; покупку учебных принадлежностей; горячие завтраки; подвоз живущих далеко от школы. Проводилась такая работа и в Чернышевке. В архиве сохранились ведомости (1932—1935 гг.) распределения помощи беднейшим ученикам [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 11—26].

Ликвидировать неграмотность среди взрослого населения села оказалось далеко не просто. Всего в нем проживало 125 неграмотных и малограмотных в возрасте от 11 лет («переростки») до глубоких стариков [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 2]. Из тех, кто выразил желание учиться (81 чел.), создали две группы и открыли пункт ликвидации неграмотности. Занятия проводили дважды в неделю в устной форме, т.к. не было ни одного учебника, а письменные принадлежности отсутствовали полностью. К концу года успехи показали лишь 46 чел., остальные раньше времени прекратили занятия, ссылаясь на занятость или на другие причины [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. 8; Л. 4 об.]. В следующие годы ликпункт продолжил свою работу.

Глубокое сожаление заведующих вызывало несистематическое и слабо организованное идейно-политическое воспитание сельских ребятшек. В Чернышевской школе не работали кружки, драмкружок быстро закрылся из-за отсутствия хорошего руководителя. Попытка привлечь комсомолок колхоза «Победа» для занятий пением, рисованием, кройкой и шитьём успеха не имела. Не находила понимания эта работа и со стороны родителей. Особенно остро проявились разногласия в вопросах атеистического воспитания. С 1929 г. был закрыт приходской храм Вознесения Пресвятой Богородицы, но священник продолжал приезжать в село крестить младенцев и отпевать покойников «на хатах», да и сельчане не торопились прятать иконы в сундуки.

В 1932—1933 г. при школе организовали кружок «Безбожник». Таким образом учителя вели борьбу с пропусками уроков во время религиозных праздников. Поставили несколько спектаклей — антирелигиозных пьес с беседами. Однако А.К. Яснева жаловалась: «...постепенно

антирелигиозные мысли начинают вкореняться в детворе и сами они осознали нелестное влияние религии. Но накануне Пасхи было решено поставить спектакль, а с докладом выступить самим ученикам. К сожалению, это не состоялось по вине родителей, которые не пустили большинство детей в школу. Были выпущены специальные номера газеты, лозунги и плакаты (даже дома у учеников), за что они получили немало ругани и шлепков от своих родителей. Вообще работа по антирелигиозному воспитанию даёт положительные результаты, несмотря на косность населения в этом отношении, которое только и говорит о том, как бы поскорее вернуть попа» [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55.; Л. 9—9 об.]. Неоднократные созывы родительских собраний конфликт не разрешили. Крестьяне не посещали их под предлогом занятости в колхозе. «За всё время было проведено 3 общих собрания, на которых родители играли пассивную роль, — сетовала заведующая, — их интересовало только снабжение учащихся. Об остальном они слушать не хотели, потому мало принимали участия в воспитательной работе» [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 4].

Трудно проходило также интернациональное воспитание. Препятствием стали, выражаясь современным языком, «стереотипы национального поведения». По мнению педагогов, «окончательно не изжиты дурные привычки детей. Бывают случаи неполадки между ними и корейцами, так как взрослое население служит примером такого отношения к населению» [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 10].

Для усиления мер педагогического воздействия решили активизировать работу пионеров, время появления которых в Чернышевке точно установить не удалось. Известно лишь, что осенью 1930 г. их насчитывалось всего 10 (и ни одного октябрёнка) [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 43]. Фактически отряд не работал, так как направлять энтузиазм юных ленинцев было некому: пионервожатая (крестьянская девушка-комсомолка) хотя и прошла курсы, по мнению педагогов, с работой не справлялась. Учителям приходилось всё время руководить не только пионерами, но и ею. А весной и летом, в связи с полевыми работами в колхозе, она вовсе перестала заглядывать в школу. Таким образом, несмотря на то, что пионерский отряд был организован, работал он слабо и никакой действенной помощи в идейно-политической работе школы не оказывал.

В 1931—1935 гг. педагоги сами возглавили пионерское движение. Под их влиянием выпускались стенгазеты, посвящённые жизни школы, проводились пионерские праздники. Самым запоминающимся был Первомай. Как правило, он проходил по следующему сценарию: 29 апреля проходил утренник, на котором юные ленинцы выступали с докладами. Вечером — заседание, где лучших октябрят принимали в пионеры. 1 мая в 10 часов утра проходили торжественный митинг и демонстрация, завершавшиеся угощением. Пионеры также участвовали в празднике «Первой борозды» [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 44].

Особых успехов учителя и учащиеся Чернышевской школы достигли в общественно-полезной работе. Под руководством педагогов ребята помогали сельскому совету разносить повестки по домам (так информировали жителей о плане посевной или повестке дня очередного собрания).

Углублению агрокультурных знаний населения способствовало распространение учащимися сельскохозяйственной литературы. Ежемесячно выпускался тематический боевой листок, где рассказывалось об успехах школы и достижениях сельских комсомольцев. Участвовали дети в написании и расклейке лозунгов и плакатов (всеобуч, перепись, акции «За сдачу хлеба» и т.п.). Всё вывешивалось в сельском совете или клубе. Очень важным направлением общественно-полезной работы была помощь колхозу «Победа» во время таких кампаний, как перепись сельскохозяйственного инвентаря или посевная. Педагоги и школьники выступали на его собраниях с докладами на различные темы. При непосредственном участии ребят провели праздничный вечер, посвящённый годовщине колхоза (1935 г.). Кроме того, учащиеся собирали огородные семена, чтобы затем на школьных занятиях прорастить их и передать для посадки на полях.

Интерес к общественно-полезной деятельности детей Чернышевки выражался в их участии (1930—1935 гг.) в разных политических кампаниях. Приводим лишь краткий перечень некоторых акций: сбор металлолома, а также средств на покупку марок на оборону страны (10 руб.) и на постройку дирижабля; сбор по подписке на заём — пятилетка в 4 года (20 руб., на которые куплена облигация займа) [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 6]. По инициативе учеников производился сбор в помощь пострадавшим в Красной Армии (5 руб.). Прошла кампания по сбору средств на тракторную колонну (20 руб.) [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 9 об.]. Достаточно странным выглядит комментарий, оставленный заведующей школой, по поводу итогов общественно-полезной деятельности детей в 1933—1934 гг.: «Необходимо отметить, что, несмотря на все проведённые кампании... <> в них не было достаточно отражено того энтузиазма, той воли к труду <которыми> они должны были бы проникнуться. Это доказывает, насколько отстали, оторвались они от политической жизни» [ГАПК Ф. 959. Оп. 6. Д. 55. Л. 6]. Сложно сказать, насколько справедлив этот упрёк.

Подводя итоги, следует сказать, что усилия педагогов села Чернышевка в условиях «великого перелома» деревни позволили им решить весь комплекс поставленных задач. Во время кардинального слома патриархального уклада жизни, раскола сельского общества на тех, кто вступил в колхоз, и тех, кто отвергал «коммуны»; нищеты и голода 1933 г., когда большинство учащихся по ночам бегали на колхозный двор «точить зерно» (воровать хлеб) из амбаров, педагоги настойчиво разъясняли ребятам необходимость грамоты. Проживая в съёмных углах или комнатах

при школе, получая «гроши», на которые в ограбленной коллективизацией деревне нечего было купить, учителя выполнили главную задачу — ликвидировали безграмотность среди детского и основной части взрослого населения села. Тем самым они создали условия для перевода своей школы на новый уровень — уровень средней школы.

С середины 1930-х гг. собрания колхозников неоднократно ставили вопрос о необходимости строительства в селе новой (средней) школы, поскольку после окончания четвёртого класса многие дети стремились продолжить обучение. Для этого им приходилось уезжать далеко от родного дома (в Анучино или Ивановку, где в то время работали полные средние школы) или ежедневно преодолевать более пяти вёрст до соседнего с. Телянза (ныне с. Рисовое), где с 1933 г. открылась неполная средняя школа. Далеко не у всех получалось учиться дальше. Но те счастливики, кто отправлялся в путь (в «большую школу»), обязательно проходили мимо «Борсуковой школы». Она напутствовала их светом больших окон и грушевым ароматом сада.

Двери «Борсуковой школы» закрылись 19 октября 1956 г., когда прозвенел первый звонок в Чернышевской средней школе и дети (от первоклассников до выпускников) перешли учиться в новое двухэтажное здание. В тот день завершилась история «Борсуковой школы», но память о ней продолжает жить в сердцах её выпускников и в кронах старых яблонь и груш.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Воспоминания К.Е. Волошиной, хр. в музее ПУ-53 с. Чернышевка.
2. Воспоминания А.П. Дубина, записаны автором) в январе 2010 г. в с. Чернышевка.
3. Воспоминания В.А. Лях, записаны автором в июле 2010 г. в с. Чернышевка.
4. Воспоминания В.Г. Севоракша, хранятся в музее ПУ-53 с. Чернышевка.
5. ГАПК (Гос. арх. Прим. края).
6. Дубина А.П. Клад // Рассказы авиатора. Хабаровск, 2009. С. 46.
7. Начальные и средние школы Дальневосточного края на 1 января 1935 г. Справочник. Хабаровск: Далькрайно, 1935.
8. Нашей школе — 75 // Анучинские зори. Анучино. 2009. 6 ноября. С. 3.
9. Пчела И.В. Деятельность Чернышевской школы 1 ступени в 1920-е гг. // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы науч. конф. Уссурийск: УГПИ, 2011. С. 28—37.
10. Пчела И.В. История открытия школы в селении Чернышевка Сысоевской волости Южно-Уссурийского уезда в 1909—1910 гг. // Система образования на Дальнем Востоке России: прошлое и настоящее. Материалы регион. конф. Комсомольск-на-Амуре, 2011. С. 131—136.
11. Пчела И.В. Организация начального обучения в Приморской области в начале XX в. (на примере селения Чернышевка Сысоевской волости) // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 157—166.
12. Проскурина Л.И. Сталинская коллективизация на Дальнем Востоке России и её последствия // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 341.